

11. Депортация народов СССР (1930-1950-е годы). 1 часть. Документальные источники ЦГАОР высших органов власти и органов госуправления СССР. Материалы к серии. «Народы и культуры». Выпуск 12. – М., 1992.
12. Рахманкулова А.Х. Об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х – 40-е годы// Этнографическое обозрение, 2006, №5.
13. ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 186.
14. Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. – М.: Наука, 2005.
15. ГАРФ, Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436.

БИОГРАФИЯ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕССИРОВАННОЙ ПАМЯТИ: ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ЯКУТСКОЙ И КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (20-30 гг. XX ВЕКА)

Романова Е.Н. *доктор исторических наук*
ИГИПМНС СО РАН, г. Якутск (Россия)

Сураганова З.К. *кандидат исторических наук*
Национальный музей Республики Казахстан, г. Астана

Обращение к концепту памяти в рамках советского государственного нарратива, осмысление национальной истории СССР как «опыта переживаний» с позиций современного знания и новых теоретико-методологических подходов является актуальным историческим трендом обществоведов и гуманитариев на постсоветском пространстве. В настоящий момент уровень междисциплинарных исследований, посвященных теме политических репрессий в отношении народов, национальных лидеров, старой интеллигенции в бывших советских республиках позволяет говорить о наметившемся здесь «когнитивном» повороте и использовании историко-антропологического ресурса в интерпретации сложных процессов национальной истории, вписанных в идеологический ландшафт тоталитарной системы сталинской эпохи.

Память, как переживание исторического опыта конструирует образы прошлого, утраченные в ходе советского нацистроительства, при этом «фигуры воспоминаний» (по Я. Ассману) транслируют картину мира репрессированных идей первых интеллектуалов в их сопряжении с региональными проектами о национальном самоопределении и этнической самоидентификации народов Российской империи.

В этом плане представляется важным рассмотреть «ландшафт мировосприятия» первой волны национальной интеллигенции в рамках формирующегося программного национального «текста», который в последствие станет главным политическим орудием в обвинении их в национализме и шпионаже в пользу Японии.

Методологической новацией нашего исследования является использование биографического нарратива в рамках «новой компаративной

истории» при изучении репрессированного интеллектуального наследия якутской и казахской интеллигенции.

Так, по утверждению известного ученого Л.П. Репиной «новая компаративная история» (в своих разных версиях) преодолевает границы априорно устанавливаемых национальных, региональных и даже локальных контекстов, сосредоточивает внимание на существующих множественных взаимосвязях, взаимообменах и взаимовлияниях между сравниваемыми объектами и их культурно-историческими контекстами, нередко используя для концептуализации изучаемых явлений и переживаемых ими трансформаций понятие «культурного переноса / трансферта» (отсюда - *history des transferts*) и выявляя его медиаторов [1, с.251].

Биография среды Изучение персональной истории репрессированной интеллигенции в Якутии и Казахстане обнаруживает общий историко-культурный контекст, связанный с начальным этапом социализации и освоением культурных и политических традиций образовательных центров Российской империи. Одним из таких демократических учебных учреждений являлся Сибирский университет, начавший свою деятельность в 1888 году в Томске. Идею создания сибирского университета в Томске активно поддержали областники Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. В журнале «Восточное обозрение» они писали, что «...университет может сделать гораздо более к объединению окраин, чем железная дорога, создающая обмен материальный, тогда как при помощи образовательных учреждений является обмен нравственный и духовный...» [2, с.147].

Удобное географическое положение, оживленная экономическая, торговая и интеллектуальная жизнь сибирского города, единственное крупное учебное заведение в Сибири привлекли сюда молодежь из числа инородцев с целью получения образования. Известно, что только на медицинском факультете Томского университета с 1888 по 1912 гг. обучалось 0,3-0,5 % инородцев [3, с.154].

В 1908 году в Томский университет на юридический факультет поступает Гавриил Васильевич Ксенофонтов (1888-1938), в будущем выдающийся ученый-этнограф, сибириевед, общественно-политический деятель, основоположник гуманитарной научной традиции народа саха. В биобиблиографическом словаре востоковедов – жертв политического террора в советский период относительно его ареста приводятся следующие данные: «Арестован 22 апр. 1938 в Москве по т. н. «якут. Делу» вместе с П. А. Ойунским. Как и последнему, К. инкриминировалось членство в КРО «Саха омук», подг. вооруж. восстания против сов. власти и КРТД против рук. партии и прав-ва к моменту нападения Японии на СССР. 28 авг. 1938 ВК ВС СССР приговорен к ВМН («шпионаж»). В тот же день расстрелян. Место захоронения - полигон НКВД «Коммунарка». Реабилитирован ВК ВС СССР 22 авг. 1957» [4].

Жизнь Гавриила Васильева Ксенофонтова оборвалась на высшем пике его профессиональной деятельности, ученый в этот период разрабатывал

гуманистическую концепцию изучения окраинных народов Сибири в рамках постколониального дискурса.

Знаменательно, что идеи свободного развития региона и народов, проживающих на ней, циркулировали в интеллектуальной атмосфере Томского университета. Идеологом и лидером сибирской интеллигенции являлся Г.Н. Потанин – ученый-этнограф, географ, русский путешественник, заражавший своими идеями студенческое сообщество университета. Не стал исключением и будущий юрист, якут Гавриил Ксенофонтов, который увлекается идеями сибирского областничества, посещает научный кружок «Сибиреведение». Как известно, деятельность «Сибирского кружка томских студентов» предусматривала создание благоприятных условий для изучения студентами Сибири и «культивирования в них научного интереса к своей родине». Его почетными членами, были выдающиеся исследователи Сибири Г.Н. Потанин и А.В. Адрианов. Именно в годы учебы Г.В. Ксенофонтова, кружок изучал вопрос создания в Томском университете кафедры сибиреведения. Примечательно, что члены кружка были первыми, кто услышал известный доклад Г.Н. Потанина «Областническая тенденция в Сибири». Увлеченные идеей областничества (право коренных народов на национально-культурную автономию), члены кружка занимались пропагандой автономистских взглядов среди интеллигенции. Г.Н. Потанин хорошо знал якутских студентов, участвовавших в Сибирском кружке, Г.В. Ксенофонтов вошел сразу в число талантливой студенческой молодежи, активно проявлявшей себя в общественной и научной жизни университета. Прогрессивная, либерально-демократическая среда города во многом определила будущее студента-якутянина.

Интеллектуальный ландшафт Томска сыграл важную роль в формировании научных и политических взглядов Г.В. Ксенофонтова. Не случайно, что в последствие, в феврале 1917 года в Якутске лидерами национального движения Г.В. Ксенофонтовым и В.В. Никифоровым была создана новая организация интеллигентов «Свобода», программными целями которой стали: земское самоуправление, независимость и самостоятельность якутского народа. Позднее союз «Свобода» был переоформлен в национальную партию «Трудовой союз федералистов» как высшей формы политического объединения интеллигенции. Анализируя программу федералистов, исследователь Н.Н. Дьяконова выделила сходство с областническими идеями, акцентировав преемственность областнической идеологии, у ее лидера Г.В. Ксенофонтова еще со времен его обучения в Томском университете [5, с.150-151]

Продолжая тему социальной интеграции первой волны национальной интеллигенции, можно предположить, что жизненные траектории Г.В. Ксенофонтова в «томский» период могли пересечься с ярким представителем казахской интеллигенции Жаханшой Досмухамедовым (1885-1932-1938?) – одним из будущих деятелей национального движения Алаш, возглавившим западное отделение Алаш-Орды, правоведом и блестящим оратором [6, с.171].

В 1910 году Ж. Досмухамедов окончил с отличием Московский университет [7, С.135]. После его окончания в 1910 г. он работает в Уральском окружном суде (1910-1911), Омской судебной палате (1912), Змеиногорском уезде, городской прокуратуре г. Барнаула (1913), Каинском уезде Томского окружного суда (1914). Исследовательская работа молодого правоведа начинается сразу по окончании университета. В 1911 году в периодическом издании «Уральский листок» вышли сразу три статьи Ж. Досмухамедова на тему: «Несколько слов о киргизском обычном праве и народном суде» (№ 9, 14, 20 от 13, 19, 26 января 1911 г.). Основываясь на своем опыте работы в качестве статистика в Переселенческом управлении по исследованию казахского хозяйства, Ж. Досмухамедов пишет о том, что в свободное от работы время он беседовал со старцами об адате и желании издать сборник обычного права [8, с.168]. В целом автор рассматривал такие вопросы, как: значение обычного права в целом, так и инородческого в частности, влияние на правосознание казахов, проблемы народной криминалистики и организации народного суда по «Степному положению» [8, с.168].

В Томском окружном суде Ж. Досмухамедов работает товарищем прокурора в Прокурорском надзоре Томского окружного суда [9, с.109] здесь же помощником присяжного поверенного начинает свою профессиональную деятельность и Гавриил Ксенофонтов. Все эти обстоятельства позволяют допустить факт их возможной встречи и знакомства в «томский» период жизни якутского ученого.

Новые исследовательские подходы дают возможность в рамках «советской империи» обнаружить общие версии этнополитической истории казахской интеллигенции с национальной историей якутской интеллигенции. Обращение к электронному проекту «Алаш», созданному в рамках политики меморизации Казахстана, дает возможность раскрыть интеллектуальную биографию репрессированной казахской интеллигенции в 1920-30-е гг.

Основной целью национальной партии «Алаш», созданной в июле 1917 года на Первом Всеказахском съезде в Оренбурге, стало право казахов на территориально- национальную автономию в составе федеративной Российской республики. В 1918-1919 гг. Ж. Досмухамедов был избран главой Западного отделения Алашорды. Параллельно он занимался переводами на казахский язык гражданского и уголовного кодексов с целью повышения правового просвещения своего народа, в 20-е годы был членом общества развития культуры «Талап», внес существенный вклад в развитие национальной культуры казахов. Многие в биографии Ж. Досмухамедова остаются неясным до сих пор. Неизвестна дата и место смерти Ж. Досмухамедова [10, с.153]. Известно лишь, что он был арестован в Москве и его супруга вплоть до своей смерти в 1980-е гг. так и не узнала время и место его гибели.

Медиаторы культурного трансферта. Кажется очевидным, что биографический нарратив первой волны казахской интеллигенции формируется под влиянием областнической идеологии, скрепляющей

интеллектуальный ландшафт сибирского города. Так, в 2012 году в Томский технологический институт на специальность «геологоразведка» по конкурсу аттестатов был зачислен Алимхан Ермаков (1891-1970) – один из основателей национальной партии «Алаш», ученый, интеллектуал, общественный и государственный деятель. Именно здесь произошла его встреча с Г.Н. Потаниным. Позднее в 1913 г. А. Ермаков на заседании Распорядительного комитета Семипалатинского подотдела ЗСО ИРГО в своих воспоминаниях отмечал: «в 2012 году я поступил в Томский технологический институт на геологоразведочный факультет. Приехав в Томск, устроился с жильем, пообвык и решил навестить Г.Н. Потанина. В его лице, казалось мне, собрались все горести и печальника нашего народа. Потанин проявил большой интерес к инородцам, знал их быт, нравы и всячески содействовал сохранению самобытной культуры. Однажды Потанин взглянул мне прямо в глаза и сказал: «Смотри, Алике, твои знания – это знания всех казахов. Учись и учи других» [11, Л. 4 об].

Руководствуясь одной из программных задач партии «Алаш» – создание школ и университетов с обучением на родном языке, первый ученый-математик из казахов А. Ермаков пишет учебник по высшей математике на казахском языке, разрабатывает для ВТУЗов математическую терминологию на казахском языке. Глубокое знание истории этноса, вопросов права, экономической географии и убежденность в необходимости национального суверенитета, присущее мировоззрению Ермакова, берет свои истоки в областнических идеях Г.Н. Потанина. В 1938 году молодого ученого арестовывают как «врага народа», и он более 18 лет проводит в заключении [12, с.73].

В 1911 году на медицинский факультет Томского университета поступает будущий врач и общественный деятель, активный участник партии «Алаш» Асылбек Сеитов (1894-1937) [13, с.142]. В студенческие годы на страницах газеты «Казах» он опубликовал статью, касающуюся создания общественного фонда, помощи нуждающимся казахским студентам вузов России. Идеиные поиски привели его в партию «Алаш», где он становится секретарем. Он прекрасно владел иностранными языками. Много печатался в газетах и журналах. В 1916 году был активным участником сельскохозяйственной переписи населения Степного края. В 20-гг. работал в сфере здравоохранения. В 1937 году был арестован и осужден на 10 лет без права переписки [14, с.508-509].

Наконец, еще один деятель Алашского движения, участник экспедиции Ф.А. Щербины – Ережеп Итбаев (1883-д.с.н.) в 2012 году обучался в Томском государственном университете [14, с.239-240], состоял канцелярским служащим в Омском городском полицейском управлении [15].

Весной 1917 года в Омске Е. Итбаев становится одним из организаторов и руководителей съезда казахов Акмолинской области, избирается от Омской городской организации партии Алаш на Всероссийский съезд. Осенью того же года принимает активное участие в Общесибирском съезде, который проходил в г. Томске. Здесь он избирается кандидатом в состав Сибирского

Совета. В Оренбурге на 2-м Общеказахском съезде (5 — 13 декабря, 1917 г., Оренбург) Е. Итбаев избирается кандидатом в Народный совет от Алашской автономии [14, с.239-240].

Интеллектуальные коммуникации: обмен идеями и исследовательскими концепциями в советский период. Следует подчеркнуть, что связи якутской интеллигенции с казахами не прекращались и во времена сталинского террора. Так, в 1935 году Г.В. Ксенофонтов пишет письмо будущему директору Института языка и культуры, ученому-лингвисту, основоположнику якутской советской литературы, видному общественному и государственному деятелю П.А. Ойунскому (арестован в 1938 году, умер в тюремной больнице в 1939 году), в котором озвучивает желание напечатать свои труды в научных организациях Казахстана. Содействие в издании своих трудов он видит в лице соратника П.А. Ойунского, бывшего Председателя СНК ЯАССР М.К. Аммосова, который в этот период занимал пост секретаря Карагандинского и Северо-Казахстанского областных комитетов ВКП(б) (репрессирован в 1938 году). В письме, своего рода, теоретической рефлексии, ученый, размышляя об общем интеллектуальном пространстве в сравнительной перспективе, разрушает традиционные исторические подходы и выходит далеко за рамки локального текста «... древняя история якутов смыкается с общей древне-тюркской историей. Многие мои друзья вообще советовали мне заняться разработкой древне-турской историей на базе якутских материалов. Эта мысль мне лично нравится. И если бы мне удалось овладеть современной казахской этнографией, хотя бы, в той же мере, в какой я знаком с бурятской, то задача написания истории центрально-азиатского номадизма, думаю, для меня не будет особенно трудной. Главная преграда, конечно, язык, но, однако изучение языка казахов для якута вряд ли представило бы задачу- головоломку... [16, Л. 6.]. По сути, Ксенофонтов здесь транслирует идею «перевода» региональных сюжетов в общемировой исторический контекст, посредством универсального языка науки. Предложенный ученым «новый» язык при выявлении общих исторических закономерностей в развитии народов и культуры — кросскультурный метод и мультидисциплинарный подход не вписывался в формат советского этнографического проекта. Более того, размышления на общенациональные темы, пусть, даже в письмах, а также взаимодействие якутских интеллигентов с казахскими учеными по вопросам древней истории кочевых народов Азии послужили еще одним свидетельством «преступления» против Советской власти «националистов» — П. А. Ойунского, М. К. Аммосова и Г. В. Ксенофонтова.

Схожие идеи о единстве происхождения тюркских народов присутствуют и в работе «Киргиз-казаки в 17 и 18 веках (дополнение к «Материалам к истории киргиз-казакского народа)» еще одного яркого представителя казахской интеллигенции, члена партии «Алаш Орда» - Мухамеджана Тынышпаева (1879-1937). Выпускник Петербургского института железнодорожного транспорта имени Императора Александра I, депутат Государственной Думы 2-го созыва, участник Общеказахского

съезда, состоявшегося в 1917 г. в Оренбурге, премьер-министр Кокандской автономии, преподаватель математики и физики в Казахском педагогическом институте народного образования, главный инженер по благоустройству новой столицы г.Кызыл-Орды (1925-26 гг.) – вот неполный перечень послужного списка М. Тынышпаева. Помимо государственной службы ему удавалось заниматься изучением истории казахского народа, которую он анализировал в контексте истории общетюркского мира. Рассматривая родословную казахского племени Керей Среднего жуза, М. Тынышпаев обращает внимание на средневековые сведения, приводимые в трактате Рашид-ад-Дина и пишет: «кереи состояли из следующих подродов: сахыят... Если окончание множественного числа «т» переменим на окончание единственного – «н», получим сахы или *саха...*» [17, с.79-80], Опираясь на работы Ф. П. Врангеля, В. И. Иохельсона, В. Л. Серошевского, А. Кочнева, исследователь обращает внимание и «на присутствие в якутском языке названий таких предметов, которых нет в Якутской области, и которые есть только на юге: лев, тигр, верблюды, змея, и т.д., что подтверждает факт переселения якутов с юга» [17, с.81]. Основываясь на исторических источниках, генеалогических легендах и предании Козы-Корпеш и Баян-Сулу, он приходит к выводу о том, что некогда многочисленное племя «пережило сильнейший погром и бежало – большая часть на Алтай (черневые, сагайские татары, каракасы и далее - якуты)» [17, с.84-85].

В 1932 г. начальник пути Турксиба, инженер М. Тынышпаев был арестован и сослан в Воронеж за его работу в Туркестанской автономии в г.Коканде. В ссылке он работает инженером в проектно-отделе железной дороги Москва-Донбасс [17, с.13]. В 1937 году М. Тынышпаев был арестован вторично и расстрелян как бывший член партии «Алаш-Орда».

Изучение концепта «памяти» в рамках социальной коммуникации позволяет проследить сложные ментальные трансформации в построении национального исторического нарратива. Биографический мир первых интеллектуалов–инородцев сопрягал несколько интеллектуальных и политических пространств: воспоминания имперского прошлого, восприятие советского нацистроительства, опыт «переживания» репрессий в эпоху «красного террора».

Развивая тему репрессий в национальной истории, отметим, что судьбы этих людей, долгое время были вычеркнуты из официальной галереи национальных героев и преданы забвению, и только с начала 90-х годов XX века их интеллектуальная биография стала предметом пристального внимания национальной историографии. Сегодня пришло время по-новому оценить жизненные стратегии интеллектуалов начала XX века и дать объективный анализ с позиций перекрестной истории и истории «идей» репрессированной памяти.

Список использованной литературы и источников:

1. Репина Л.П. Макроисторическая перспектива сегодня: теоретические и терминологические поиски // Преподаватель XXI век. 2014. № 2. – С. 243-258.
2. Ремнев А. Университетский вопрос в Сибири в XIX столетии // Ab Imperio Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. Казань. 2012. № 1. – С.121-150.
3. Краткий исторический очерк Томского университета: за первые 25 лет его существования (1888-1913 г.г.). Томск: Типо-литография Сибирского Товарищества Печатного Дела, 1917. — [2], II, 544 с.,
4. Васильев Я. В., Сорокина М. Ю. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь жертв политического террора в советский период (1917-1991). Санкт-Петербург, 2003. – 496 с.
5. Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории. Новосибирск. 2002. – 202 с.
6. Сейфуллин С. Тернистый путь. Историко-мемуарный роман; рассказ / Пер.с каз. Астана: Аударма, 2011. – 480 с.
7. Каренов Р.С. Алашорда үкіметінің Батыс бөлігі жетекшілерінің бірі, көрнекті қоғам қайраткері Жаһанша Досмұхамедов. Вестник Карагандинского государственного университета. Серия: История. Философия. № 2 (70). 2014. – С. 34-42.
8. Сулейменова С.С. Обычное право киргизского (казахского) народа в трудах Жаханши Досмұхамедова // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. № 2, 2014. С.167-173.
9. Памятная книжка Томской губернии на 1915 год / изд. Том. губ. стат. ком. — Томск: Типография Губернского управления, 1915. — 212, 27, 42, [6] с.; 25 см. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-1183/> (Дата обращения: 29.03.2017).
10. Досмұхамедов Жаханша. // Тілешев Е., Қамзабекұлы Д. Алаш қозғалысы. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы: Сардар, 2014. – С.146-155.
11. Ермеков А. А. Мои встречи с Потаниным (Из бесед Ю. Попова с А.А. Ермековым. 22 августа 1969 г.) // Государственный архив Карагандинской области Республики Казахстан (ГАКО РК). Ф. 1487. Оп. 1. Д. 222. Л. 4 об.
12. Кыдыралина Ж. Алимхан Ермеков: служение Отечеству // Мысль. 2013. № 5. – С.72-75.
13. Казахи Омского Прииртышья. Энциклопедия. Книга первая. Издание первое. Омск: «Золотой тираж», 2015. – 488 с.
14. История Казахстана: энциклопедический справочник. – Алматы: ТОО «Аруна Ltd.», 2010. – 632 с.
15. Акмолинские областные ведомости. No1, 4 сентября 1902 г.
16. Ксенофонов Г. В. Письмо П. А. Ойунскому (автограф) Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 152. Л. 3-7.
17. Тынышпаев М. История казахского народа. Сост. и авторы предисл. проф. Такенов А. С. и Байғалиев Б. Алма-Ата: «Қазақ университеті», 1993. – 224 с.